

Затем Чу Цин вернулся в комнату тренироваться. Ань Ицзэ знал, что Чу Цин любит одиночество, поэтому просто общался с новым другом в тренировочной комнате, попутно играя на пианино.

В комнате были только оператор и Чу Цин. Чу Цину было неловко творить перед камерой, но он старался адаптироваться, обняв гитару и сидя на кровати с блокнотом, что-то рисуя и записывая. Он даже не слушал оригинальную песню, потому что мог сразу подобрать мелодию на гитаре.

В комментариях были насмешки, в основном пессимистичные прогнозы о том, что Чу Цин вряд ли сможет тронуть великое творение учителя Ань Цзо.

Но больше было похвал его таланту; даже по сравнению с наблюдением за тем, как остальные болтают и ссорятся, было интереснее смотреть, как Чу Цин в одиночку занимается творчеством.

Юноша тихо молчал, лишь изредка напевая мелодию, полностью погрузившись в нотные значки в блокноте, солнечный свет из окна падал на его чёрные волосы. Картина была идиллической и безмятежной.

Конечно, больше всего привлекали внимание пальцы, играющие на гитаре; даже скрытые перчаткой, можно было разглядеть их длинные очертания.

Но из-за слоя перчатки звук, издаваемый Чу Цином, был неточным и очень тихим, в основном только он сам знал, что играет.

В комментариях все спрашивали, почему он не снимает перчаток, но с тех пор, как Чу Цин впервые появился перед камерами в прошлом году, он никогда не снимал перчаток, поэтому все привыкли, предполагая, что это, возможно, его личное предпочтение.

Так прошёл день.

Ночью, когда съёмки закончились, участники могли свободно заниматься своими делами. Чу Цин поужинал, сел в кровати и вдруг... почувствовал ожидание.

Такое чувство для Чу Циана было очень, очень необычным.

Потому что с тех пор, как он начал принимать лекарства, его состояние ухудшалось к вечеру: днём было ещё терпимо, но ночью становилось тяжело, возникала тревога или ощущение, что в жизни нет больше надежды. Но из-за записи шоу днём Хо Ли мог только приносить Чу Циану еду, готовить лекарства, тёплую воду и другие мелочи. Только ночью этот человек пробирался через окно, чтобы поболтать с ним, и ещё говорил, что хочет обняться...

В общем, ночи действительно стали другими.

— Скрип...

Чу Цин повернул голову и увидел у окна стоящего человека.

Картина даже выглядела немного комичной.

Хо Ли открыл окно, облокотился на раму и улыбнулся:

— Цин Бао, выходи.

Они снова отправились на секретную базу. Чу Цин продолжал что-то рисовать и записывать в блокноте, и теперь, без камер, он решил позвонить... учителю Ань Цзо.

Сегодня днём Чу Цин нашёл Ань Цзо в Weibo, сообщил ему, что будет аранжировать Тень красной вуали, и надеялся, что тот не будет против, а также даст несколько советов и рекомендаций.

Чу Цин знал, что Ань Цзо не любит появляться в развлекательных шоу и перед камерами, поэтому не использовал его имя для создания хайпа во время записи.

А Ань Цзо, увидев личное сообщение Чу Цина, просто дал ему номер телефона, сказав, что тот может звонить ему в любое время.

— Учитель Ань Цзо...

— Ой! Это Чу Цин, да? — Художник, известный в слухах как придирчивый и вспыльчивый, сейчас говорил с Чу Цином очень мягко.

— Наконец-то ты появился!

— Ой... судя по голосу, сильно вырос... — учитель Ань Цзо усмехнулся:

— Как поживаешь в последнее время?

Чу Цин включил громкую связь. Хо Ли, сидя рядом, услышав это, слегка нахмурился.

Что? Звучит довольно тепло.

Хм.

Хо Ли скрестил руки на груди и поднял бровь, глядя на Чу Цина.

Чу Цин избегал взгляда Хо Ли:

— Угу.

— Я слышал, ты собираешься аранжировать Тень красной вуали? Делай, что хочешь, меняй как нравится.

Чу Цин сказал:

— Я вам демо послушать дам, хорошо?

— Хорошо.

Затем Чу Цин отправил Ань Цзо образец, поговорил с ним ещё немного и повесил трубку.

Как только разговор закончился, Чу Цин обернулся и увидел взгляд Хо Ли, полный обиды, словно у брошенной жены.

Чу Цин...

Этот Хо Ли... в конце концов, он же крупный президент, почему он так боится, что его заменят?

Чу Цин, не зная, плакать или смеяться, объяснил:

— Мои родители раньше были пианистами... он друг моих родителей.

Хо Ли замер.

Разве Чу Цин не вырос в детском доме?

Хо Ли:

— Твои родители?

Чу Цин кивнул, улыбнулся:

— У меня, конечно, тоже были родители... Мои родители были выдающимися пианистами, они с детства учили меня музыке. Просто они погибли в авиакатастрофе во время гастролей, и потом... потом мои родственники разделили наследство, а я потом оказался в детском доме.

На самом деле вначале у Чу Цина тоже была счастливая, обеспеченная и идеальная семья, и он вырос в любви обоих родителей.

Хо Ли слегка нахмурился.

Чу Цин сказал:

— Я помню всё из детства, мама с папой очень любили меня, мама была красивой, папа был выдающимся.

— Поэтому... — Чу Цин, не зная, плакать или смеяться, сказал:

— Учитель Ань Цзо и я не из одного поколения.

— Я и ты тоже не из одного поколения, раньше ты называл меня не господином Хо, а дядей Хо. А ты до сих пор называешь того парня учителем, — Хо Ли поднял бровь.

Лицо Чу Цина покраснело.

— У-учитель Ань Цзо — друг моих родителей...

Они как раз собирались что-то сказать, как раздался динь-дон — пришёл ответ от Ань Цзо.

Ань Цзо отправил Чу Цину голосовое сообщение.

— В основном нормально, но я думаю, можно сделать лучше.

Это было ожидаемо, в конце концов, это же Ань Цзо.

— Места, которые, я думаю, можно ещё изменить, я отметил красным.

— А ещё, я послушал, как ты поёшь... хм...

В голосовом сообщении Ань Цзо сделал паузу, затем сказал:

— Ты поёшь, как небесный хор, хотя это очень чисто и невинно... но, понимаешь, о чём эта песня?

Чу Цин немного покраснел, взглянул на Хо Ли и довольно виновато ответил:

— Тайная связь.

Хо Ли, сидя рядом, слегка приподнял бровь.

Ань Цзо терпеливо сказал:

— Именно, тайная связь. Тень красной вуали, женщина, с которой у тебя тайная связь, красива, загадочна и смертельна, стоит за красной вуалью и смеётся над тобой, желая затащить тебя в ад.

Чу Цин задумался.

— Поэтому пой, ну, как бы, более соблазнительно! Более коварно! По крайней мере, должно быть чувство, понимаешь, запретной любви, верно?

— А, именно, запретной любви. Острота ощущений от тайной связи, возбуждение от встречи со смертельным объектом.

— Эх, жаль, что наш Цин Бао тоже мало что пережил, тебе действительно будет сложно это передать.

С каждым словом Ань Цзо лицо Чу Цина краснело всё больше, он совсем не смел смотреть на Хо Ли.

— Ого, — Хо Ли с интересом посмотрел на Чу Цина.

А они сейчас, кажется, как раз занимаются тайной связью.

— Короче говоря, если сможешь, постарайся представить или испытать это на собственном опыте. Жизнь коротка, всего несколько десятков лет, так что пользуйся возможностью наслаждаться в полной мере, — этот художник Ань Цзо всегда действовал странно, прямо предложив Чу Цину получить опыт, полностью воплощая поговорку старость не в радость.

В конце концов, любовные истории Ань Цзо могли бы составить толстый роман.

— Спасибо, учитель, — Чу Цин сухо усмехнулся.

— Я говорю серьёзно, слушай, чтобы справиться с этой песней, тебе нужно испытать это чувство на себе. Или найди несколько взрослых любовных романов или фильмов.

— Хорошо...

Закончив разговор с Ань Цзо, Чу Цин совсем не осмеливался смотреть на Хо Ли.

— Я думаю, учитель Ань Цзо прав, — с серьёзным видом сказал Хо Ли, даже сменив обращение с того парня на учителя.

У Чу Цина дёрнулся уголок рта.

— Острота ощущений, верно, — Хо Ли опасным взглядом посмотрел на Чу Цина.

...

— Г-господин Хо... — запаниковал Чу Цин:

— Нет, книги подойдут, фильмы тоже, можно просто представить.

Хо Ли скрестил руки на груди и смотрел на Чу Цина.

Чу Цин сделал вид, что ничего не знает, избегая этой темы, взял блокнот и продолжил рисовать, опустив голову и сосредоточившись на творчестве.

Хо Ли усмехнулся, но обнял Чу Цина сзади.

— ...Господин Хо!

— Тсс.

Хо Ли положил голову на плечо Чу Цина и тихо сказал:

— Продолжай писать.

Хо Ли обхватил Чу Цина за талию, позволив ему опереться спиной на свою грудь.

— Продолжай же.

Чу Цин чувствовал тёплое дыхание у своего уха, шея тоже зачесалась.

М-м...

Хо Ли усмехнулся, его голос стал низким и хриплым.

У Чу Цина даже руки задрожали.

— Господин Хо... — почти умоляющим тоном.

— Тсс, — Хо Ли закрыл глаза:

— Я же помогаю тебе... верно?

Тело Чу Цина застыло, но сила Хо Ли была велика, Чу Цин никак не мог вырваться из его хватки, он мог только оставаться в этих объятиях, плотно ощущая мужское присутствие.

Более волнующее, чем ночь.

— Господин Хо, вы... отпустите меня.

В глубине уединённого парка две фигуры тесно прижались друг к другу.

<http://bllate.org/book/15588/1395548>